

«Утверждаю»

И.о. директора Российского  
Института истории искусств

---

О.Б.Кох

“2” апреля “2014 г.”

**Отзыв**  
ведущей организации  
на диссертацию Ярослава Ильича Тимофеева  
«Стравинский и “Хованщина” в редакции Дягилева. Опыт  
источниковедческого и исторического исследования», представленную на  
соискание ученой степени кандидата искусствоведения  
по специальности 17.00.02 — Музыкальное искусство.

Диссертация Ярослава Тимофеева, талантливое и новаторское исследование, обрекает автора Отзыва ведущей организации к неизбежно избыточному использованию в нем наречия *впервые* в качестве одного из основных лейтмотивов своего суждения о работе, ее оценки. Составителю отзыва более всего поспособствовал диссертант: имею в виду его исследовательский метод, стилистическую элегантность и точность письма, ориентацию на активный контакт-диалог с читателем, богатство впервые вводимого в научный обиход материала. И если вспомнить слова Ярослава Тимофеева о дягилевской «Хованщине» — «громкий проект, столетие которого отмечается автором данной работы в гордом одиночестве» (Диссертация...С. 4), рецензент убежден, что, не взирая на легкий налет претенциозности этой конструкции, отмечается оно диссертантом в высшей степени достойно. Слова же Ярослава Тимофеева о том, что представленная диссертация — «первое комплексное исследование работы Стравинского над “Хованщиной” на основе *всех* известных к настоящему времени источников», что в обсуждаемом исследовании создана «максимально полная историческая картина дягилевской постановки и участия в ней Стравинского», что «автором представлены новые и важнейшие хронологические сведения» и многое, очень многое другое — объективная автохарактеристика работы. С вызывающей

уважение строгостью и щепетильностью автор называет своих предшественников, коллег, которым полагает себя обязанным.

Обоснование актуальности обращения к избранной теме аргументировано тщательно и убедительно, все научные заявки и намерения диссертанта — выполнены. Это и виртуозно «подыгравший» истории, да и диссертанту, ансамбль парижских премьер «Весны священной» и «Хованщины» (1913 г.), особенности их подготовки и различия в культурных последствиях обеих, сказавшиеся в личностно-психологических судьбах их участников, особенно дягилевской «Хованщины». Диссертант провел виртуозное источниковедческое и историческое исследование, чтобы слова Стравинского о приоритете Дягилева в замысле версии парижской постановки, назвавшего ее «редакцией Дягилева», обрели строгость и доказательность научного утверждения. (В известной статье И. Вершининой 1990 г. «Мусоргский и Стравинский» это словосочетание также встречается, однако в подзаголовке фигурирует не редакция, а «постановка Дягилева». Формулировка Стравинского — Тимофеева сегодня кажется более точной.) Наконец, диссертант замечательно чуток к ритмам и биениям культурных процессов разных эпох и их социологическим измерениям. Такова, например, отменно разработанная тема *различных аудиторий*, на которые ориентировались, в которых прошли обе — скандальные, однако каждая по-своему, — премьеры, и, соответственно этому, принципиально *разных* судеб прозвучавших опусов. В итоге, ставя точный социокультурный диагноз драматической судьбе дягилевской «Хованщины», автор по существу исследует культурно-генетический код художественного бытия ее, проявляющийся уже на стадии замысла. «Ведь если слава “Весны священной” рождалась в партерных драках в Театре Елисейских полей, то слава “Хованщины” — в литературных поединках на страницах периодической печати Петербурга, Москвы и Парижа» — один из исходных посылов диссертанта (С. 4). Культурно-генетический код дягилевской «Хованщины» — это, согласно Ярославу Тимофееву, и атмосфера скандала, сопровождавшая премьеру, окруженную множеством неясностей, возможные же

достоинства заранее были поставлены под сомнение и, как указывает диссертант, «продолжают вызывать критику в наши дни» (С. 4). Такое стечение обстоятельств, в результате которого Стравинский никогда не услышал своей работы, дягилевская редакция «Хованщины» после 1914 года никогда не видела сцены, и, прежде всего, изначальную противоречивость задуманного начинания диссертант убедительно связывает с драматической дисгармоничностью, пронизывающей контакты гениальных художников, с драмой крушения вечных ценностей под натиском личных слабостей (С. 4).

Все сюжеты этой драмы, большинство из которых стали известными благодаря изысканиям, блистательно проведенным Ярославом Тимофеевым, организованы в диссертации и как увлекательное, не без детективной интриги, повествование, в котором, скажем, само именование глав (I — Между реставрацией и вандализмом; II — Этюд в басовых полутонах; III — Триязычная молитва) в равной степени выдает и стилистически выдержанное литературное произведение, и строгое научное исследование.

История дягилевской «Хованщины» ныне невозможна без имени Ярослава Тимофеева. Он впервые установил, что после 8 парижских спектаклей 1913 г. сценическая история ее продолжилась в Лондоне — в 1914 г. Впервые показал все стадии движения замысла Дягилева и отступления от него под натиском Шаляпина («который как истинный раскольник-Досифей не пошел за новаторскими идеями “никонианца” Дягилева», — остроумно комментирует это ситуацию диссертант); То, что должно быть названо событием, — введение в научный обиход Заключительного хора «Хованщины». Наконец, замечательное открытие Ярослава Тимофеева — доказанность факта оркестровки Стравинским арии Шакловитого не только по оригиналу Мусоргского, но и по редакции Римского-Корсакова.

Работу с документами, суждениями, словом, исследуемыми диссертантом, отличает высокий, часто изысканный уровень научного комментирования. Лишь

однажды можно было проявить большую строгость к эмоционально «подогретым» словам Дягилева: «Про ‘Бориса’ обыкновенно говорят: “Да, но он существует и в оригинальной редакции. А Хованщина”?» (С. 15). Полагаем, что «про ‘Бориса’» (кстати — какая из двух редакций по Дягилеву оригинальная?) знал не очень широкий, если не просто узкий круг заинтересованных посетителей Публичной библиотеки: Стасов, Асафьев, Каратыгин, Гр. Прокофьев, конечно Дягилев. На наш взгляд, к словосочетанию «обыкновенно говорят» по-поводу «Бориса» естественным стало обращаться только в 20–30-х гг., когда началась знаменитая борьба «за подлинного Мусоргского», приковавшая к себя внимание очень широкой аудитории.

Ярослав Тимофеев-текстолог во всех случаях выходит победителем в решении сложнейших задач по разгадке тайн композиторского замысла в рукописях разного уровня отчетливости, тщательности записи, в нотных и вербальных фрагментах текста. Важнейший этап решения такой задачи — выявление и определение отдельных фрагментов рукописи как относительно самостоятельных и целостных «единиц», конфигурация которых дает основания полагать, что на нотной бумаге они появились если не «сразу», то непременно рождены в *едином творчески-волевом акте*, связаны *одним и общим усилием-движением*. Представляется, диссертант порой упускал возможность реконструировать механизм их сопряжения (при возможности — даже еще на *до-текстовом* уровне или слое, угадываемых в разных особенностях — расположение нот, варианты почерка, плотность письма, соотношение и ритм нажимных и волосяных (безнажимных) линий и т. д. как некое «пред-слышание», «предчувствие»), в котором обнаруживает себя творческая интенция автора. А ведь именно в этом — путь к раскрытию слухо-моторно-двигательно-зрительно-психологических импульсов как *единства*, ключ к постижению технических импульсов как музыкальных.

Вопрос о тональности арии Шакловитого в оркестровке Стравинского диссертант отнес «к самой странной загадке, которую ставят манускрипты его перед исследователем». Речь идет о транспонировании арии на полтона. К по существу исчерпывающим проблеме рассуждениям Ярослава Тимофеева можно добавить еще одно соображение. В оставшейся незавершенной и оставшейся неизвестной оркестровке «Песни о Блохе» Мусоргского, выполненной Лядовым, оригинальная тональность *h-moll* транспонирована на те же полтона — в *b-moll*. Занимаясь оркестровкой Лядова, автор Отзыва обратил внимание на то, что на титульном листе одного из экземпляров «Песни о блохе», приобретенного Петербургской консерваторией из библиотеки Ф.И. Стравинского, чья подпись, правда с большим трудом, угадывается под знаменитой пометой: «Ф.И. Стравинский. 22 июня (июля ?— нрзбр. А.К.) 1883 г.», начертано: *b-moll*. Транспонирование оригинальной тональности на полтона вполне могло быть связано с тесситурными проблемами Федора Стравинского, предполагайся он Лядовым как исполнитель. Однажды подобная творческая встреча между ними состоялась: 3 февраля 1884 г. в концерте БМШ (под управлением Римского-Корсакова) певец исполнял балладу «Палладин» Даргомьжского в инструментовке Лядова. Библиотека Стравинских была семейной, и композитор, получивший от Зилоти заказ на оркестровку «Песни о блохе» Мусоргского, вряд ли прошел мимо этого экземпляра, а может быть и знал об этом опыте от отца. И ни в коей мере не подвергая сомнению исчерпывающую аргументацию диссертанта, полагаем, что лядовский опыт транспонирования при оркестровке «Песни о блохе» на полтона вниз мог подсознательно участвовать в формировании деталей решения Дягилева-Стравинского.

Исследование Ярослава Ильича Тимофеева — событие в стравинковедении. Наряду с фигурирующими в заглавии диссертации — «опыт источниковедческого и исторического исследования», — в обсуждаемой работе в такой же мере основательно разработаны текстологический и аналитический ракурсы, с

которыми связаны как многие принципиальные достижения, так и частные, выразительные удачи.

Представленная работа «Стравинский и “Хованщина” в редакции Дягилева. Опыт источниковедческого и исторического исследования», на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и ее автор, Ярослав Ильич Тимофеев, заслуживает искомой степени.

Автореферат отражает структуру и содержание работы.

Составителю Отзыва представляется совершенно естественным рекомендовать обсуждаемую работу к публикации.

Отзыв составил Засл. деятель иск., доктор искусствоведения,  
профессор СПбГК, Гл. н. с. РИИИ

А.И. Климовицкий

Отзыв обсужден и утвержден на заседании сектора музыки 31.03.2014.  
Протокол № 1.

Зав Сектором музыки РИИИ, кандидат искусствоведения

А.Л. Порфирьева